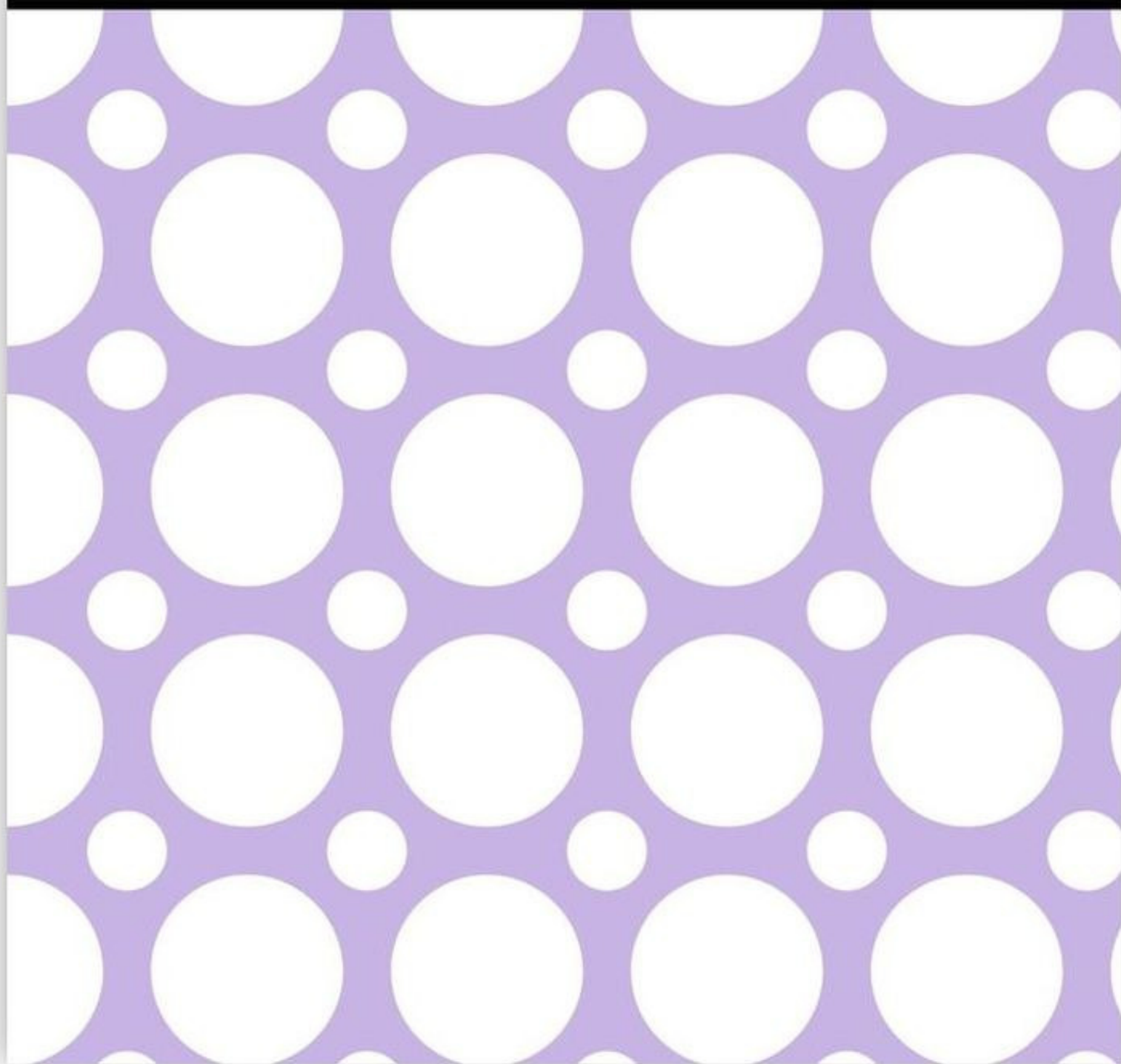

18+

АЛЕКСАНДР МАКУШЕНКО

Демоническая фабрика

Александр Макушенко
Демоническая фабрика

«Издательские решения»

Макушенко А.

Демоническая фабрика / А. Макушенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510151-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга о мастере оккультных наук, воплощенных практически. Все или ничего. Вот о чем гласит книга. Но что-то остается за пределами обложки.

ISBN 978-5-00-510151-8

© Макушенко А.
© Издательские решения

Демоническая фабрика

Александр Макушенко

© Александр Макушенко, 2020

ISBN 978-5-0051-0151-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Надо было быстро писать и я написал все, что приходило в голову. У меня был опыт общения с самим дьяволом, и я нахожу его дьявольски красивым, хотя и несуразным. «Но причём здесь фабрика?», спросите вы несуразного капитана из Вечности, что пришел из неоткуда и уходит в никуда. Как в одной старой песне. А вот причём. Здесь Флатт бродит и демоны спят в колыбельке, словно никогда за ними не установил слежку, что сейчас снята и требуется внимание, чтобы не установить ее снова. Это еще здесь, в той еще Бездне. Хороший Юпитер.

Я снял слежку и стал собираться домой. Здесь было хорошо, но курили мало и исподволь гадили мне в душу. То окурки заберут, то в дом нагадят, словно никакого дома и близко не было. Но там то не было дома, а то, что я пишу, касается только нас двоих, читатель. Я демоническая фабрика, я. И начнем новую страницу нашей жизни.

Итак, что главного в демонизме? Это штаны до колен, демонический взгляд и полные штаны скорби о том, что скоро ты придешь до дома, а там ничего еще нет. Ни Флатта, ни тебя. И так было до тех пор, пока я писал эту книгу и бредил о том, что несбываемо и не требует вмешательства. И надо было свершиться тому, что свято и требует вмешательства. Это код, который требует просвещения.

И никакого кода на выходе. Только ты и я.

Она стояла на ветру, ее пальто было овеваемо пылью и пылью растений, которые цвели вокруг. Эта смиренная красивая девушка вышла из загса потрясенной. Ее молодой парень был ошеломлен случившимся. При всех взять так и поцеловать другого... Это было важно для него, и она это понимала, и детский взгляд, полный скорби о случившемся...

Так и хотелось еще раз услышать Дженис Джоуплин, звучавшую из церковного органа. Или Джимми Хендрикса. Она путалась в этих попсовиках. И сама стала такой, хоть и нехотя. И зачем? Надо было просто слушать варган вместе с бабушкой Катей, которая ее водила по лесу в поисках странных полевых цветов, странного мака и странного дерева, который пах ничем и собирался лишь раз в году.

А ее уродец уходил из зала и просто заметил меня, и поблагодарил меня за застенчивость обычным таким кивком головы. Странная ситуация. Я сидел в зале и просто ждал церемонии моих родственников. Они снова выходили замуж. Но я то был то зачем тут? Они выходили, а не я. И мне было просто скучно. Поэтому я вышел из зала, полный скорби о случившемся.

Это из зала вышло наружу, а звуки органа, вроде Хаммонда, стали стихать. А девушко стала рыдать, тихонько подзывая своих духов неумным воплем тишины, которые она признавала своими только с трудом. Странно было подходить к ней, но я сделал это.

– Кто вы?

– Екатерина. Что вы делаете тут?

Вроде все нормально, да? Только послушайте ее снова... Екатерина... Какое странное имя. Нет, чтобы просто – Катя. Как все. И тут я прозрел – она просто захочет познакомиться со мной в другой раз. И все хохочут вокруг, надо улепетывать. Она не такая. А мне нужна «такая» и все тут.

– Да так, проходил тут по одному делу.

– А, снова загс....

Она попыталась улыбнуться, что у нее получилось с трудом.

– Да какой там загс. Только молодые брачуются. И ничего серьезного, только в энный раз выходят замуж. Были уже такие. Так что нечего их благодарить за деланный праздник.

– А вы суровые, – попыталась снова улыбнуться Екатерина. На этот раз у нее это получилось, только из уголков глаз покатались две слезинки.

– Не надо так. – я снова взял дело в свои руки. По крайней мере, мне так искренне казалось.

– А что так?

Короткий разговор намечается.

– Ну, вы тут в прекрасном кроличьем пальто, а мерзнете так, словно тут зима, а не весна.

– Ай, тут действительно холодно. – Она запахнула подол и подобрала юбку, озираясь, в надежде куда ни будь присесть. И ничего не получалось, все сиденья были заняты. На лавочках сидели брачующиеся вместе со своими родственниками и весело обсуждали случившееся. Каждый о своем, но разговорился.

– Садись рядом со мной, – как можно вежливее предложил ей я, запахивая свою куртку. Было почему то весело, хотя она была все то же расстроена, что и раньше. И почему я даже не захотел знать. Надо было просто спросить, и все тут. Хотя зачем? Может просто?...

Я предложил ей закурить и она молча отказалась, отведя мою руку с сигаретой. Так мы и стали сидеть вдвоем. Было совсем не плохо, что бы там не говорили соседи о таком положении дел (так обычно говорила Дженни, но тут).

Мы расслабились и стали наблюдать за окружающими. Они тихо курили, кто то оживленно болтал и создавал нам атмосферу уюта и чего?.. не может быть. Убежища. Тут был тихий уголок, специализированный по созданию иллюзии семьи. Но чего уж там. Пару раз мне предложили закурить, и я отказался, сославшись, что еще свое не выкурил. Они обиделись и ушли, так и оставив нас практически без курева. Дымок то был хорош.

Тогда я закурил трубку. Она была не на шутку удивлена, когда я достал кiset с табаком и стал раскуривать длинную смоляную трубку, прикрываясь от ветра ладонью. Стало странно, когда у нее отвисла челюсть и она стала сморкаться так в странный расшитый серебром серый носовой платочек. Ну, странно так странно. А, чего уж там.

Высморкавшись основательно, она извинилась и стала прихорашиваться со своей маленькой пудреницей. Поправив нос и щеки, она стала осторожно озираться по сторонам. А, может, просто озираться. Мне то какое дело?

– Можно будет проводить вас до остановки?

– Я тут далеко живу. Может, проводите меня до дому? Мне стало что то совсем одиноко.

Я согласился кивком головы и помог ей встать. Ветер встал дыбом и пришлось немного побороться. Потом она была сильно удивлена, когда я велел ветру остановиться. И еще больше удивлена, когда тот и вовсе затих.

– Странно, – пробормотала она. И остановилась полусогнутой. В этот момент она стала похожей на согнутую старушку, как всегда бывает в детстве у маленьких старушек, которые называют себя девушками. И так далее и тому подобное.

Я наслаждался паузой в застывшем ветре, окончательно раскурил трубку, и стал кивками указывать ветру, куда ему дуть. Тот послушно завращался вокруг спины. И мы пошли дальше. Она – несколько оробев, а я – несколько застенчившись своего дара. Но то был древний дар, его надо было холить и лелеять хуже бывшей девушки, когда она выходит замуж. Но вернемся к бедной девушке, которой стало совсем уж плохо.

– Можно на вас опереться?

Я подставил ей свое плечо и она взяла меня за руку. «Романтично», подумал я и мы пошли в сторону остановки автобуса.

Да, и это было классно. Теперь она была моя, и я взял ее руку, и она отодвинулась.

– Ты уверен?

– Не вижу никаких препятствий. Я сейчас без девушки.

– Уже да.

– Что ты имеешь в виду?

– Я твоя. Твоя девушка. Мне одиноко.

Я удивился и потянулся в карман.

– Ветер, стой!

И стал раскуривать сигарету.

Она была потрясена.

– Что это?

И потянулась к моей сигарете. «Что это?», удивилась она и стал думать вслух. Я молча ее слушал и думал лишь о том, как девичьи мысли перебегают с моими рассуждениями о ней. Она была красива, умна и наивна. И даже не замечала, что размышляет в слух. Она просто вошла в транс! А я слушал ее и изумлялся.

– Ты не должна быть одинокой. Теперь у тебя есть я.

– А ты сбежишь.

– Почему?

– Они всегда все сбегают. Особенно после летнего вечера в выпускной.

– И давно он у тебя был?

– Вчера вечером.

– Но сейчас же еще весна.

– Я из вуза.

Я молча поттикнул ее ладонь и мы двинулись дальше, поминутно любуясь на пламя, которое рвалось из облака на западе. Было хорошо. И надо было знать меру.

...Скоро пришел автобус. Мы на него сели и она даже удивилась, когда я сел рядом. «И зачем это?» прочиталось в ее взгляде, когда она увидела меня садящимся рядом с собой. С другой стороны, здесь не было ровным счетом ничего такого, за что можно было бы зацепиться. И в то же время довольно мило и романтично, в духе старых лет, когда мы сидели в автобусе рядом друг с другом и даже не задумывались, есть ли в этом романтический подтекст.

Спустя несколько остановок она вышла. За это время я успел снова разговориться с нею, и взять номер ее телефона для связи. Это было и хорошо и плохо, ведь с одной стороны мы получили шанс увидеться вместе спустя какое то время, а с другой стороны, минута молчания могла затянуться на годы.

Поехав дальше, я и не заметил, как проехал свою остановку. Выйдя на почти нужной, я пошел дальше и окончательно запутал себя своей прогулкой. Потом я вернулся и обнаружил свою собаку спящей. Было довольно прохладно и сыро. Все как она любила. И ведь как всегда, в это время она спала и подергивала задними лапами,, словно за ней кто то гонится.

Выгуляв собаку, я вернулся к своему старому занятию. Раскурив древнюю, как мир, трубку, я стал взывать к древнему духу, который давно уже поселился здесь и всюду веселился, называя меня по имени. Он называл меня своим другом и вечно матерился, когда дело заходило о других, но был отзывчив, когда речь заходила о других духах. В том числе и о девушках. Они ведь тоже были иногда духами. По крайней мере, умершие.

– ... Ты уверен, что она та, которой можно было довериться?, – спросил меня Кариеномен, который всюду веселился, спросив меня о том, какой длины была спичка и как быстро удалось разжечь сигарету.

– Да, поверь мне, она просто девушка.
– Да ну ты. А я думал, что она ангел во плоти.
– И вовсе никакой не ангел. Так, обычная проходимица.
– Не груби. С ее точки зрения это ты еще какой проходимец, который подцепил ее за милую душу. Теперь она будет печь тебе пироги и называть любимым.

– Ты меня смущаешь.
– Ты меня тоже. Ты уверен, что она точно та, за которую себя выдает?
– А что в ней такого, чтобы ей быть какой то тайной личностью?
– Ну, знаешь, в жизни многое всякого бывает. Так мы, порой, и сами догадываемся, кого пригтели в своем сердце. А там гляди, и переверотень.

Я не стал уточнять, о ком именно он стал разговаривать и просто попросил сменить тему. Тот не стал со мной спорить и попросил затушить трубку.

– Нет, в самом деле. Ты либо выйми ее из рта, либо затуши ее, либо разожги снова. ПО моему, она давно уже у тебя потухла.

Я послушно достал спички и стал разжигать потухшую трубку.

– А ты точно уверен в том, что хочешь узнать ее лучше?

– Да нет, что ты, – попытался успокоить я своего древнего (он просил называть его Новейшим) друга, которому не хотелось продолжать разговор, но который продолжал его из вежливости. – знаешь, когда ты узнаешь человека, то привязываешься к нему, и он начинает казаться тебе родным. Я же просто хочу завести себе друга.

– Так заведи себе девушку. – огрызнулся тот и стал прохаживаться взад вперед по комнате, прикуривая свой старый глиняный чубук и всюю нахваливая трубку, из которой летели хлопья пепла.

Так мы писали, и не обычные заклинания, а колдовские книжки, которые продлевали Вечность и надо было заняться храбростью, чтобы писать такое дважды. Зато трижды – хоть куда, будет сериал, или цикл, который поведаст всему миру о мыслях духа, который их и диктовал. А диктовал он их много, надеясь, что многое из них передадут без лишних правок.

Так или иначе, а дух выписался, и заявил, что на сегодня писать не будет. И заявил также, что пошлет меня за коньяком, который выписали ему врачи, ведь он будет пить его рядом со мной. Деньги оказались в другом кошельке, и я пошел за выпивкой.

Надо ли говорить, как долго мы выбирали долженствующую марку виски? Коньяк оказался некудышним и надо было умело исправлять ситуацию. Дух был не против любого вискаря, однако меньше литра не отказывался выпить лишь в другой раз.

– Мы умрем, – воспротивился я.

– Значит, попадем в рай! – отрезал тот и мы пошли распечатывать чек. Потом мы закурили, и он радостно подытожил, что я стал настоящим магом. Что это значило, ума не приложу. Настоящего приворотя я в жизни не видывал, а он, стало быть, значит и видел... С другой стороны, отчего бы и не выпить?, а на тот момент пусть подождет. Я соберусь писать книгу, и она будет чудная, эта книга! Ведь ее пишут Кариеномен и я! У меня было мало опыта в написании книг, и я пользовался духом с поиске идея, а иногда и просто позволял ему писать вместо себя. Вспоминая его первого автора, Авраама, я лишь вовремя подивился, что бывают такие древние боги. Это ж, стало быть, сколько ж ему лет?

– Многие миллионы, – ответил он и зашелся хохотом. Хохот ему шел похуже любого виски, он это знал и терпел. Но надо было писать дальше, и он скрепя сердце согласился на то, чтобы писать дальше вместо меня. – и еще раз помянешь Шекли и нам с тобой не сдобровать. Сколько он страниц написал?

– Многие тысячи в одной лишь пояснительной записке.

– Мы с тобой пишем вместе. А надо наловчиться, чтобы как у того получилось.

– Наверное, у него была какая то странная сила.

– Хорошо, хоть написал, какая именно. Странная... ты бы создал столько галактик, и понял бы, что из этого ничего не получится. Галактики пишутся медленно, по одна – две каждые два – три миллиона лет, а мы сколько пишем?

– Значительно меньше.

Тот хихикнул.

– Значит, пора писать меньше, чем когда либо. Ты записался. Сколько у нас романов?

– Всего на полторы – две книжки, плюс сборник рассказов.

– И это ладно. Ладно, теперь давай ты.

– А мы уже выписали норму!

– Так мы теперь уже и по норме пишем? Ну так ладно, стало быть, писать тебе надо, иначе выпишемся в срок.

Спустя пару часов он застопорился и потребовал виски уже покрепче. Так было ностальгировано по прошлому приходу, что он не знал уже, что и пить. И я предложил ему поесть..

Из еды была ветчина и кусок хлеба, который пах плесенью. Делать было нечего, и мы снова пошли в магазин. Там нам позвонила та девушка... как ее? Катерина. Она спросила, свободен ли я вечером и моли ли проводить ее до дома. Она оказалась школьной учительницей младших классов, и уже всем растрезвонила о нашем знакомстве. И мне не оставалось другого выхода, кроме как кивнуть в трубку. И ее изображение растворилось.

Почему я сказал «да», я не знаю. С одной стороны, было противно выходить на улицу? Именно, там шел дождь. А преподавала она не так далеко, так что и машину взять было бы скучно и не так быстро. Пока еще заведется...

– И так или иначе, но мы пропали, – сообщил мне Кариеномен, который искал выдернутого в своих летописях. А нет. Было. Было пару раз, когда он выдергивал постояльцев за то, что вовремя не могли съехать. По крайней мере, так говорили люди, а кто мы такие, чтобы на них наезжать? Главное, чтобы меня не выдернул. А то он такое может. Только и всего, что путешествовали по миру посредством сновидений. И дело было плохо, когда я оказывался один.

– Ты уверен, что голоден?

– Я то нет, да только ты, вот, похудел уже. А надо весить свои кровные килограммы, которые делают тебя тучнее в глазах других но знакомым в глазах своих собственных. Что у тебя с ширинкой?

– Застегнута.

– Давай исправим! – и он потянулся за ножницами, которые висели на потолке аккуратно в том самом месте, где спала моя голова. И в самом деле – муторно. И как ему сказать, что спать под ножницами далеко не так приятно, как казалось поначалу?

– Кариеномен, ты прав, они там пока еще висят. Быть может, сменим дислокацию ножниц?

– Да нет, ты прав в другом. Это опасно ровно в такой степени, чтобы тебе было страшно. И спать приходится под прицелом лезвий ножниц, и тем не менее, спать уже пора без них.

Он встал из за стола и снял ножницы, которые висели там более суток. Это был странный ритуал и после него хотелось как рыть носом землю, чтобы снова найти себе острых ощущений. Позвонить, что ли Кате? Она скоро уже будет ждать и тем не менее...

Я перезвонил. Было муторно выслушивать ее извинения, что сейчас она на педсовете, и что не может говорить. Я повесил трубку. Больше она лежала бы там, где висел тот Дамоклов меч, сиречь ножницы, которые меня волновали своим размахом и остротой лезвий. Теперь там будет висеть телефон. И зачем мне это.

Я быстро собрался и вышел ее встречать. Было холодно. И чуждо. Это был чужой мне город, который сиял огнями по ночам и волновал душу поэта, который встрепенулся из меня и, вышедши наружу, обнаружил там пустоту и сияющие камни, мимо которых ходить было ну очень приятно. Только зачем так ярко включать свет, когда до вечера еще пару часов было?

Дождавшись у школьного входа Катерину, мы распрощались с консьержем и стали наяривать круги в близлежащем парке. Вокруг суетилась малышня и тем более, чем сильнее шел мокрый дождь. Благо, я прихватил с собой зонтик.

– Ты меня любишь? – вдруг спросила она.

Я поперхнулся.

– Я полюбил тебя сразу, как только я тебя увидел.

– Значит, будешь моим парнем!, – хихикнула она и, задрав носки, стала ходить так, словно опиралась на одни только кончики пяток. – Так легче, пояснила она, увидев на моем лице то еще недоумение. Так ты будешь моим другом?

– Буду, – решительно заявил я и пригласил ее домой на чашечку кофе. Она отказалась, но тогда лишь из за того, что верила, будто кофе вредит рассудку. Кто знает, может она и права, а, может, и о своем чем то подумала...

Мы пошли в тишине мимо груды опавших когда то листьев, которые собирали всю осень, а потом и весну. Сколько же можно их еще жечь? Пусть горят синим пламенем!

Она изумленно обернулась.

– Кто ты? Умалишенный что ли?!

Я не заметил, как стал говорить вслух то, что думал. Я постарался успокаивающе улыбнуться, но получилось довольно криво. Она это заметила сразу и стала гадать. Чем же таким меня приворожить, чтобы и магия удалась и любовного треугольника избежать. И гадало то она вслух, что меня тем более опечалило.

– Нет, так не стоит! – попросил я и пропел ей одно старое заклинание. Оно было заклинанием распятия христового, и действовало на ура, только пластинки успевай менять. Оно заклинало демонов и требовало большой сноровки, чтобы справиться с тем, что вы сейчас увидите.

Загорелась куча листьев. Мокрых и сухих листьев, которые никто из нас не поджигал. Катя замолчала, весьма довольная эффектом.

– Так значит, я становлюсь ведьмой?

– Мы же хотели чистый парк, не так ли?

– Да, но не таким же образом... ты проведи меня в тумане! Вот мой дом, видишь? – и она указала куда то вдаль, где едва проглядывались контуры старых домов. И мы туда повернули, в надежде, что туман не слишком сильно осядет на нашу одежду и волосы. Или шел дождь? Я уже, по праву, ничего не замечал вокруг, что творилось там, за нашими спинами.

Аккуратно приобняв ее за талию, я ощутил тепло ее тела. Давно же у меня не было подруг, которые бы вот так позволяли себя обнять! Она слегка отстранилась, и поцеловала меня в щеку.

Я попытался в ответ поцеловать ее в губы, но она с хохотом ускользнула и побежала вприпрыжку вдаль, по тенистой алее. Я помчался за ней вслед. Так мы бежали минут пять, пока не выдохлись. Она приостановила шаг и я добежал до нее прежде, чем она успела прихорошить волосы. Это было счастливое время...

– ...Так что же ты ждешь? – голос в трубке был пронзителен и уныл. Это была все та же Екатерина, только уже пять недель спустя. – ты выйдешь меня встречать, или как?

– Выйду, выйду... попытался успокоить ее я, да только толку мало было. Она была все время нервная, эта моя подруга. Нервная, словно в нее сзади зарядили порохом с перцем. Та еще дробь. Младшеклассники уже разбежались по домам, и оставалось всего два месяца каникул. И она нервничала, что не вынесет такого позорного лета. Все никак не выберется на дачу!

Я успокаивающим тоном голоса заверил, что уже сейчас выхожу и повесил трубку. Надо было выходить. Дух смеялся и приказывал мне ждать, чтобы снова там не сидеть в вестибюле. И надо сказать, хороший совет был, да как его воплотить? Я уже боялся ее. Простая, властная,

без каких либо украшений скажу, что я снова захотел быть холостым. И это все, как мне казалось, из за ее тона голоса. Он стал пронзительным, как сирена скорой помощи. Но не сам же я такую выбрал.

Одевшись, я пошел в школу. Вот уж не знаю, чего там добивался директор, когда назначил ей на каникулах рабочее время, однако он знал толк в математике. И доплачивал ей регулярно, чтобы она могла носить стринги под полупрозрачное платье и завивать волосы так, словно она древнегреческое божество. И это было мило, я знаю, но я уже понемногу ее ревновал из за этих самых стринг.

Она была одета ослепительно. Наши свидания пошли ей на пользу – сразу улучшилась кожа, за которой я и так прежде не замечал никаких дефектов. Волосы немного выгорели на солнце, но это было, как я полагал, из за наших с нею прогулок.

Взяв меня под руку, она радостно заболтала о своей работе. О, Бог ты мой, какая же скука! И надо было бы ей сказать это прямо, но что делать, если у человека кроме его работы больше ничего попросту нету?

Я поддакивал ей, когда она пыталась вызвать меня на откровенный разговор. Больше у меня ничего не получалось, но ведь надо же знать меру и в своих молчаниях. И я начал с ней говорить на отвлеченные темы. В основном это касалось нас обоих. То шубку ей подарил, то вот кольцо то ей зачем то вручил.

Было ли это моим раскаяньем? Я уже давно перестал понимать, что тут вокруг меня происходит. И предложил ей снять с себя обувь. Она смутилась на пару секунд, но я подал ей пример и первым снял туфли. Было приятно чувствовать под босыми ногами теплый асфальт, а ей было непривычно вдвойне. И она обрадовалась как ребенок, которому только что подарили новую игрушку.

Гулять по парку в столь погожий день было особенно приятно. И надо же, я приучил себя к прогулкам! Быть может, и к семейной жизни когда ни будь себя приучу. Но голос... главное, чтобы голос был столь же хорош, как в первые минуты знакомства. Однако освежить память... Это было такой редкостью в наших жизнях.

Вступив в кучу песка, которую недавно накопили тут ремонтники, я остановился и предложил Кате сделать то же самое.

– Холодно, – пожаловалась она спустя несколько секунд.

– Ничего, главное, чтобы было приятно!

– Да, но мне все равно холодно!

– Тогда пошли на асфальт.

И взяв ее за руку, я спустился с кучи песка и помог ей самой. Она надела туфли и шла некоторое время не произнеся ни звука.

Нас оттеняло лишь шелест ветра и пение птиц. Было одиноко, но вот почему я побоялся сказать и себе самому. А спутнице рядом все, казалось, шло на пользу. Она сияла вечной улыбкой и шла так радостно, словно вокруг не было никакого зла. Вообще. Вообще ничего не было. Только она и ее суженый.

Мне стало лестно от таких мыслей. Потом мы завернули ко мне домой. Я жил на другом конце парка. И еще немного через дорогу. Она редко у меня бывала, только вот зачем? Убирать было лень, да и не до этого было: надо было сдавать очередную книгу, а Кариеномен только читал и шутил про маленькие объемы. Зато за пару месяцев получался солидный сборник историй.

В доме у меня часто шли магические ритуалы. Остановить ветер, это был минимум, на который я стал способен. И повелительство ветру было одним из главных способов привлечь девушку. Она давно уже считала меня чудаком, но вот напрямую заявить об этом не могла. Это и так читалось в ее взгляде.

...Сев на кресло, она зажмурила глаза и попросила добавки. Это был солидный бутерброд, но она хотела еще. И было странно намазывать ей кусок хлеба снова, словно она не видела, с чем он. Это было довольно странное масло, с перекрошенным мясом, почти чечевица на вкус и она же такая же и на вид. Только синяя. Синяя колбаса была таки редкостью в нашем районе, но я таки нашел магазинчик, где продаются деликатесы. И там и была она, странная колбаса с луковичным запахом. Потом было это... чай. Обычный такой крепкий простой чай, который ни с чем не смешивался, ни с медом, ни с таинственными луковичками чумных докторов. И все таки она была хороша. Странное приданное. Все при ней. И голова и шерстка. Фигура чуть сухощава, но это убирается легко. И я закормил ее бутербродом.

– И себе намажь, – велела она, притираясь поближе к бутерброду. Поближе, дальше, повкуснее. Все было при ней. Только бедра суховаты. Поэтому я намазал ей на всякий случай еще пасты, что сделал сам при помощи мясорубки. И потому притирка пойдет еще лучше, если я нарежу еще хлеба.

– Так тонко.

– Я люблю делать бутерброды.

– Так сделай еще.

– Располнеешь. Их надо есть потихоньку, вечно матерясь и делая вид, что ты тут совсем ни при чем. И после раскуриваешь длинную сигару...

– ... Панателлу?..

– Не совсем такую. Скорее, халф – корона.

– Совсем дикая. Она солодит мозги и набираешься грюйта, чтобы там не говорили монахи. Говорят, они сами пить запрещали, и собирать грюйт.

– Ну, собирать то да. А вот пить, так сам продавали. Пропала бы баснословная сумма из казны, если бы они не запретили собирать грюйт.

– Так это все ради денег?

– И разнотравье тоже. Это уже потом научились добавлять в солод хмель и использовали его вместо пива. Потом варка усугубилась и стало есть зазорно. Все полнели. А с того пива толстели лишь монахи, коим дозволялось пить по четыре литра в сутки, чтобы не пьянели.

– Это немного для пьянки...

– Ну так они пили через вечер. Иные монахи старались пить реже, и обращали внимание на воду. И так они толстели, пока не приходила лысина. Потом они начинали читать чаще и садилось зрение. И ведь во всем виноваты монахи, которые добавляли грюйт вместо пива.

– Я бы тоже научилась варить пиво.

– Эль. Эль, моя дорогая, иначе ты была бы сожжена за колдовство.

Она вздохнула с облегчением. Что ж, хоть готовить не научилась. В наших отношениях поваром был я. Это и хорошо и плохо в одно и то же время, ведь отнимало немало сил и, опять таки, времени. А время я ценил больше всего. С каждым дуновением ветра я постился насчет того, что стал старше еще на один день и пришла моя морозная старость. Я был совсем молод, если не сказать, чтобы юн. И все таки старость настойчиво ощущалась за порогом дома. Почти тридцать лет. Мне стало почти за тридцать лет и я ни разу ни с кем не бывал в ЗАГСе. Что ж, будет шанс все это исправить. Но как ни будь потом.

– Ты замуж меня возьмешь?

– Обязательно. Придет время и я тебя позову на ужин. А там гляди, и кольцо будет.

– Только пирог не надо. Я хочу торт. Покупной. А ты все делаешь вместе. А вот женишься и все будем делать вместе.

– Обязательно!

Я вздохнул. Но аккуратно, так, чтобы она не видела. Что то быстро у нас все скрутилось на рутину. Не было в ней чего о такого.... Может, она просто отстранилась? Не похоже.

Я выдохнул и призвал Кариеномена. Молча, чтобы ничего не ополшить. Тот молча и ответил. Он стоял рядом с ней и взял ее за руку незаметно для нас обоих.

«Ушли!» коротко скомандовал он и указал пальцем на двор. Тогда я предложил Кате пойти на прогулку и она согласилась. Быстро одевшись, мы выбежали во двор и стали играть друг с другом. Не спрашивайте меня, в какую игру мы играли. Скорее всего, она называется догонялки. Но главное, что в ней есть принцип. Принцип блаженства, что тебя догонят. Поэтому убежали все довольно нехотя и матерились на нас люди, которые в эту минуту проходили мимо.

– Зачем ты меня прячешь? Познакомь меня со своими друзьями.

– И тот Кэри...

– А зачем ему женское имя? Он ведь мужчина, верно?

– Он свят и не делает различий. Только матершина у него такая, что заплюет тебя, как только увидит.

– Тогда уходи от него. Нечего вам оставаться друзьями.

– А нечестно ли это будет по отношению к Карименомену?

– Это кличка.

– Нет. Это сокращенно от «Кэри».

– Так бывает. – она вздохнула и поболтала ногами в воде. Мы сидели на берегу широкой реки, в которую входило множество других рек. Было хорошо. Я пригладил ее волосы, и молча прижал к себе. Она замолчала. Я надеялся на это, но все такие молча терпел это.

Что то дурное настроение у меня проходило, когда она касалась моего затылка при объятии. Она так странно это делала. Словно волны животного магнетизма проходили через нас обоих, когда мы касались друг друга и плавно снисходили на убыль, когда рука касалась плеча. Это было странно, да? Как первое желание юности, зарыться в ее теплую и красивую душу и там залечь на дно, раскопчегариваясь лишь изредка, чтобы посмотреть что она там делает. Потом мы сошли на нет. Нет той близости, что при первом прикосновении. Снисходила на нет и гордость нашего знакомства. Теперь она была просто своя. Нежная и терпимая к моим порывам. Лучше отдавалась бы таким порывам сразу. Но к чему хранить целомудренность, если завтра хочешь с ней в ЗАГС?

Не надо читать мне морали о том, что выше и чище. Штамп в паспорт еще не делает вас родственниками. А вот насолить умеет, тем более, если ты не с планеты Земля. Я скорее, с Меркурия. Мне все также претило все белое и красивое, что надевают женихи пере сексом. Уж лучше таки черное. Оно и смазливое и покорно ложиться на кровать, когда требуется. Но желтого белья не надо никому. Это и странно и загадочно. Остается лишь твой собственный запах, и его хватает с избытком, чтобы твоя девушка запаниковала, находясь рядом с тобой. Его ты уже не чувствуешь. И все таки он есть. Коварный и липкий запах, который мешает сконцентрироваться. Говорят, это даже привлекает. Ну, смотря, где ты чист и чем пахнет. Если пахнет подмышками, то может и не меня, но женщину, что рядом со мной.

Что то сделалось со мной за эти три месяца. Раньше я отдал бы все, чтобы оказаться вместе с надежной подругой, а теперь мне думается, что это было лишним. Кажется, мне уже говорили, что я плохо разбираюсь в людях. Это не так. Я просто смиряюсь с ними. И с этим смирюсь. Так что вы сказали насчет ЗАГСа?..

У меня неплохо получалось только одно: сидеть и возмущаться, когда лысые старые духи прикасались ко мне во сне и настойчиво просили проснуться. Этого хотели все избранные, но бывало довольно редко. Скоро я с ними совсем свыкнусь. А в первый раз я не на шутку сдрейфил, когда падшие во сне меня прикасались. Это был их атрибут: лысина и морщина во весь череп. Так мы отличали серафимов. Это были падшие создания, с которыми приятно вести разговор, но они незатейливо так пишат, что может быть и пригодился бы мне их навык. «Только в пустоту стреляешь», предупредили меня как то они. И сделали смело, за что их

начальник их похвалил. И их трогать запрещалось, потому что это навевало в них лесбийские чувства к своей подруге, как они называли меня со смехом. А что получилось? Теперь я среди них набираюсь опыта для дальнейшей жизни.

И было дело так. Однажды со мной заговорила моя печень. Потом легкие, сердце и прочие органы, кроме тазовых. И не сразу я раскусил тот славный замысел по захвату доверия, который они во мне вызывали. Только их нынешний начальник сказал мне тогда завязывать с ними разговоры и не вовлекаться в сплетни.

И эти синекожие серафимы отлично сохранились, несмотря на свой возраст. Каждому из них было много лет, но по меркам духовных существ всего немного. Всего двадцать три миллиона лет самому старшему из них. И он считал себя молодым. А тебе... а тебе если тебе двадцать лет и ты считаешь себя молодым, то ты успешен. Успешен во всем, не только в отношениях. Хотя из них для духов было главное все таки отношения.

– Главное, не цедить из них все до капли. Иначе сопьешься, – увещевал старший из них. – и ты не познаешь ее до конца. Черпай ее и будь осторожен. Она сопьется и станет осторожной, чтобы не сказать больше. И станет она скучной, если не сказать больше....

...Она осторожно намекнула, что пора бы уже и спать и прильнула всем телом, глядя при этом в глаза. Я подумал, что она требует ответа и поцеловал ее при это в губы. Она отошла на несколько шагов и попросила добавки. Это следовало бы учесть. Мне стало весело и я пошел за ней. А там она отошла еще на несколько шагов.

– Что же ты? – игриво спросила она, прибегая к тайным уловкам женщин.

– Иду уже, иду! – воскликнул я, и понесся к ней на всех парах. Она отошла еще несколько назад заявила, что спать она сегодня будет одна, но если я так хочу, то могу на ночь прочесть ей сказку. И могу, кстати, поесть лукового супу, что она приготовила намедни. Я согласился и пошел за ней дальше, хохоча при это от того, как на убегала все дальше и дальше, и всякий раз на несколько шагов. И так мы и гнались друг за другом до самого ее порога. Потом она распрощалась с небом и попросила меня войти.

Суп был хорош. Старинный рецепт, в котором было много картофеля и шкварок, которые сочились соком и были вкусны, как никогда.

– Спой мне что ни будь, – попросила она, пододвигаясь ближе и глядя при этом пристально мне в лицо. Я смутился. Было уже поздно и мне следовало бы уходить, но она так ласково попросила. И я спел ей что то из мотивов старинных монахов, которые мне пели, когда я в юности бывал у них в монастыре. Она сморщилась и попросила другой куплет и насыпала мне еще супу. Я с удовольствием присоединился к ней в деле поглощения трапезы, как мы ее иногда называли, и она смеялась, когда я продолжил что то мурлыкать про себя.

Успех был в том, что она пригласила к себе домой. Конечно, можно было бы надеяться и на нечто большее, однако дело было в том, что мы оба хотели иного. Не супружеского единства, а просто нежных отношений, которые заканчивались известно как. И было хорошо и она пела мне все реже и реже, чему я был благодарен, ибо голос у нее был так себе. Явно иное надо было сказать, но я уже не знал, что именно. Поэтому, прочитав ей несколько страниц из рассказа, который я «случайно» нашел у нее на полке, я перехватил ее странное дыхание и уединился в ванной комнате. Там я вызвал духа, и спросил совета, что делать дальше.

– ... Так бери ее в жены, – хмыкнул тот и приготовился идти дальше, чем я был несказанно рад. Я вышел из ванной и там меня уже ждали тапочки.

– Я думал, что уже пора идти домой. – проворчал я, влезая в домашнюю обувь, которую она для меня поставила. Она расхохоталась и попросила прочесть ей еще что ни будь. И протянула странную книжку, в которой содержались странные руны, в которых я, откровенно говоря, мало что смыслил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.